

ИСКУССТВО, РАЗНОСЯЩЕЕ ОКТЯБРЬСКИЙ ГУЛ...

ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ мастер стиха, основоположник советской поэзии, остающийся и сегодня ее флагом, Владимир Маяковский всю свою творческую жизнь активно, радостно, плодотворно дружил с искусством театра и кино.

Эта дружба дала советскому театру «Мистерию-Буфф», «Баню», «Клопа», замечательные драматургические произведения, блистательно ожившие и утвердившие себя на наших сценах в последние годы.

Эта дружба дала одиннадцать киносценариев, до которых еще доберутся кинематографисты. (Перечитайте, например, киносценарий «Как поживаете?», и вы поймете, почему я говорю с такой уверенностью. Остроумный и очень современный по звучанию фильм заложен в этом сценарии!).

Эта дружба дала огромное количество стихотворных, прозаических и устных высказываний Маяковского по вопросам театра, драматургии, кино, репертуара.

Маяковский неудержимо стремился на сцену, на экран, прекрасно понимая, что это путь к широчайшему, самому массовому читателю, с которым поэт хотел говорить во весь голос о самых острых проблемах современности, обо всем том, о чем он говорил в своих стихах и поэмах.

И, как видим, на этом пути Маяковский оставался не только большим и своеобразным мастером своего дела, но и тем же пламенным борцом за коммунизм, за нового человека, за прогрессивное, активное, реалистическое искусство, служащее интересам народа.

Страстность, с которой Маяковский, этот большой художник, прекрасно чувствующий образ, метафору, реплику, сюжет, создавший произведения огромной художественной силы, всю жизнь боролся за тенденциозность, ясную идейную направленность театрального искусства, поистине изумляет.

Она же и вооружает нас в нашей сегодняшней работе.

Долой
жрецов искусства,
шевелюрой заросших густо.
Артисты те —
кто в рабочем ряду
строить коммуны
с песней идут.

Этот призыв подкрепляется очень четко сформулированным убеждением: «Сделать агитацию, пропаганду, тенденцию — живой, — в этом трудность и смысл сегодняшнего театра». Так пишет Маяковский в короткой статье «Что такое «Баня»? Кого она мочет?».

В статье «О «Клопе» поэт подчеркивает свою тенденциозность с вызывающей, откровенной — куда уж откровеннее! — прямотой:

«Как мне самому нравится моя пьеса?

Она мне будет нравиться, если она не будет нравиться обывателю». Певцом, пропагандистом именно такого, насквозь пристрастного искусства был Маяковский. Искусство

должно помогать людям жить, помогать строить лучшую жизнь, иначе зачем оно?

Выступая на диспуте о пьесе «Баня» менее чем за месяц до смерти, Маяковский говорил: «Я принимаю на себя целиком ответственность за недостатки и достоинства этой вещи. Но есть моменты дружого порядка. Нельзя, например, прийти и сказать: «Вот смотрите, избиение коммунистической демонстрации, скажем, в Нью-Йорке произошло лучше, чем забастовка углекопов в Англии». Подобная оценка не является действительным мерилом вещей. Прежде всего надо говорить о том, насколько та или другая вещь в наше время необходима. Если это наша вещь, то надо говорить: «Какое горе, что она плоха». Если она вредна, то надо радоваться тому, что она нехороша».

Вот так тесно, неразрывно, как двуединая суть одного явления, переплетались у Маяковского эстетический и идеологический критерии. Иначе у поэта, рожденного революцией и для революции, быть и не могло.

Разве не такой же непримиримостью и принципиальностью должны быть вооружены и мы сегодня и в оценках сделанного, и в творческих планах?

«Кассовость» — ох уж эта неизменная спутница наших разговоров, выводов и подчас решений, приговоров!

Может ли коммунистическое искусство всегда идти за существующим вкусом, за тем, что «нравится», «смотрится», короче говоря, охотно покупается всяким и каждым зрителем?

Не может! — говорит Маяковский и завещает нам трезвый, непримиримый социальный подход к этому вопросу.

Цените
искусство,
наполняющее кассы,
но искусство,
разносящее
октябрьский гул,
но искусство,
блещущее
оружием класса,
не сдавайте
врагу
ни за какую деньги.

И еще. Достаточно важное, подтверждающее вышеприведенную стихотворную цитату:

«В области драматургии мы являемся ведущим театром. На этом пути мы делаем десятки и сотни ошибок, но эти ошибки нам важнее успехов старого адюльтерного театра».

Чувства и мысли людей революции, горизонты нового мира, новые измерения души освобожденного от капиталистического рабства че-

ловека — вот что вдохновляло Маяковского в его творчестве, в его жизнеутверждающей, звонкой поэзии, в его непримиримой сатирической драматургии.

Его неистощимая активность в борьбе за победу чувств и мыслей именно такого, нового человека делает его изумительно современным, сегодняшним, как говорится, до «мозга костей», работающим беспрерывно, все более и более открывающим свою бессмертную боевитость, злободневность, точность!

Не так давно меж «Советской культурой» и «Известиями» сверкнула небольшая дискуссия по большому вопросу — о репертуаре наших оперных театров.

Пolemическое, острое, предельно ясное по своей мысли, не оставляющее места ни для каких кривошеков, слово Маяковского и здесь с нами:

Почему
теперь
про чужое поем,
изъясняемся
ариями
Альфреда и Травиаты?
И любви
придумаем
слово свое,
из сердца сделанное,
а не из ваты.

Если мы вспомним дискуссию, то речь шла там как раз о том, какой процент занимает в оперном репертуаре сегодня конкретно замечательная, но все-таки старая опера «Травиата» и сколько, собственно, советские оперы.

Никто не собирается «загибать». И «Травиата» Д. Верди нам очень нужна. Но еще нужнее нам опера

о нашем современнике, о наших днях такой же силы и выразительности, а может быть, еще и большей!

Разве это вызывает какие-нибудь сомнения?!

Далее. Вопрос о специфике театрального языка, театрального образа, вопрос об активной драматургии.

Здесь Маяковский был также предельно ясен и целеустремлен.

Свою неистребимую мечту об активном, антисозерцательном гражданине нового мира он воплотил в своем боевом, «сгущенном», активно воздействующем на зрителя театре. Пассивное созерцание, хладнокровное чувствование, двухминутное «переживание», рожденное той или иной сценой, «похожее на жизнь», никак не устраивало Маяковского.

Театр
не отображающее зеркало,
а —
увеличивающее стекло.

Вот драматургическая установка Маяковского. Возможности театра как искусства, как зрелища необходимо использовать максимально, вложить в них максимум фантазии, выдумки, сконцентрированной мысли, правды, вкуса, а главное, мечты о том, что надо сделать, завоевать, претворить в жизнь.

Так построена «Мистерия-буфф», так построен «Клоп».

Нет, это не те «уголочки жизни», которые приоткрывает раздвигающийся занавес.

Это сконцентрированная средствами театра мысль, полет, идея!

Маяковский хочет утвердить предельно воинствующий театр; театр зрелища, а не «подглядывания»!

Для других театров
представлять не важно:
для них
сцена —
замочная скважина.
Сиди, мол, смиренно,
прямо или наискосок
и смотри чужой жизни кусочек.
...Мы тоже покажем настоящую
жизнь,
но она
в зрелище необычайное
театром превращена!..

«Зрелище необычайное», необычайное, как событие, как праздник, как ударная сила в осуществлении главных забот и мечтаний человечества — вот каким хотел видеть театр Маяковский.

Сегодня мы отмечаем 70 лет со дня его рождения.

Да будет с нами и впредь высокий, яростный и милый великий Маяковский!

Владимир КОТОВ.